

9. *Lipset, S. Party Systems and Voter Alignment* / S. Lipset S., S. Rokkan S. – New-York, 1967.
10. *Verba, S. Participation in America* / S. Verba., N. Nie. – New-York, 1972. – 330 p.
11. *Панни, Ф. У. политическое поведение: мыслящие избиратели и многопартийные системы* / Ф. У. Паппи // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – С. 262–280.
12. *Баталов, Э. Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века* / Э. Я. Баталов. – М.: ПрогрессТрадиция, 2013. – 670 с.
13. *Швери Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор* / Р. Швери // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 43–56.
14. *Himmelweit, H. T. How Voter Decide*. Milton Keynes / H. T. Himmelweit, P. Humphreys, M. Jaeger. – Chicago: University of Chicago Press. – 1991.
15. *Fiorina M. Economic Retrospective Voting in American National Elections* / M. Fiorina // American journal of political science. – 1978. – Vol. 22. – № 2. – P. 426–443
16. *Marcus, G. E. Affective Intelligence and Political Judgment* / G. E. Markus, R. Neuman, M. Mackuen. – Chicago: University of Chicago. – 2000. – 193 p.
17. *Salovey, P. Affect in electoral politics* / P. Salovey, J. Glaser // Personality and Social Psychology Review. – 1998. – Vol. 2. – No. 3. – P. 156–172.
18. *Bogdan, A. A Test of affective intelligence in Romania* / A. Bogdan // CEU Political Science Journal. – 2013. – Vol. 8. – Issue 1. – 30 p.
19. *Johnston Ch. D. Emotion and Political Judgment: Expectancy Violation and Affective Intelligence* / Ch. D. Johnston, H. Lavine, B. Woodson // Political Research Quarterly. – 2015. – Vol. 68. – No. 3. – P. 474–492.

(Дата подачи: 26.02.2018 г.)

Ю. И. Малевич

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Malevich

Belarus State University, Minsk

УДК 327(8)

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ОТНОШЕНИЯХ ЕС И КНР В XXI ВЕКЕ

TENDENCIES OF FORMING CONTRADICTIONS IN EU-PRC RELATIONS IN THE XXI CENTURY

В статье рассмотрены ключевые аспекты препятствовавшие формированию отношений ЕС и КНР в начале века, их истоки и пути преодоления. Противоречия, касающиеся проблем гарантии прав человека, эмбарго на поставки вооружений и дисбаланса торговых отношений, представляют основные дестабилизирующие тенденции.

Ключевые слова. ЕС; КНР; двусторонние отношения; права человека; торговый дисбаланс; ВТО.

The article considers the key aspects that prevented the formation of relations between the EU and the PRC at the beginning of the century, their origins and ways of overcoming.

Contradictions concerning the problems of guaranteeing human rights, the arms embargo and the imbalance of trade relations, represent the main destabilizing tendencies.

Key words. EU; PRC; bilateral relations; human rights, trade imbalance; WTO.

Концептуальная парадигма отношений Китая с остальным миром за последние пять лет кардинально изменялась дважды. Первый раз это произошло в 2013 году, когда во время визита в Казахстан Председатель КНР Си Цзиньпин объявил об инициативе «Один пояс – один путь», а второй он же в своей программной речи на XIX съезде, заговорив об эпохе строительства «сообщества единой судьбы человечества». Оба эти события имели и будут иметь в будущем весьма далеко идущие и чрезвычайно значимые последствия. Их прогнозирование и анализ не являются целью данной статьи. В рамках заявленной темы, авторы хотят представить результаты исследования, посвященного сложностям формирования отношений КНР с Европейским Союзом в начале XXI века.

За отправную точку исследования брался постулат, что в широкомасштабной и мультифункциональной системе двусторонних отношений объем серьезных противоречий минимален. Существующие разногласия неизбежны ввиду различий экономических и социальных систем, политических концепций, истории и культурных традиций. Но стороны направляют все свои усилия на их разрешение посредством непрерывного диалога и консультаций, действуя в духе взаимного уважения и взаимной выгоды.

Одной из ключевых для Европейского Союза остается проблема гарантий прав человека в КНР. Данный вопрос играет важную роль не только в политических отношениях между Китаем и ЕС, но и в экономических и торговых отношениях, а также в сфере культурных и социальных связях, имеющих существенное влияние на развитие двусторонних отношений. Споры по вопросу прав человека между Китаем и ЕС начались в 1989 году, до этого права человека не вошли в официальную повестку дня. В июне 1989 года Европейское сообщество выступило с заявлением, осуждающим подавление студенческих демонстраций на площади Тяньаньмэнь, и ввело санкции против КНР. Европейское сообщество выработало общую позицию по проблеме нарушения прав человека в Китае и сформировало последующую политику в данной области на уровне ЕС [1, р. 2].

Напряженность в отношениях между Китаем и ЕС, связанная с проблемой гарантий прав человека была ослаблена с 2000-х гг. по сравнению с ситуацией в 1990-х годах. В 2003 году Китай и ЕС объявили о создании всеобъемлющего стратегического партнерства, после чего политика Брюсселя стала достаточно устойчивой и умеренной. По времени это совпало с процессом трансформации концепции универсализма прав человека, инициированной ООН.

Диалог по правам человека между Китаем и ЕС сыграл весьма значительную роль в двусторонних отношениях. Он был запущен в 1995 году и по сей день проводится раз в два года поочередно в Пекине и Брюсселе. Обе

стороны имеют равные возможности в отношении права высказывать свое мнение по соответствующим вопросам, количеству приглашенных участников и обнародованию результатов. Этот диалог состоит из двух раундов. В первой части правительственные чиновники из Китая и ЕС обсуждают общие вопросы прав человека и конкретные случаи нарушений, причем со стороны ЕС участвуют представители «тройки» ЕС (эксперты, назначенные страной, председательствующей в ЕС, Европейской комиссией и Верховным представителем Союза по иностранным делам и политике безопасности), а со стороны Китая должностные лица из Министерства иностранных дел и представители правительственных министерств и ведомств, а также специальный представитель по правам человека. Во второй части обе стороны проводят научный семинар по конкретным вопросам, связанным с правами человека, который известен как Судебный семинар Китай – ЕС. В нем участвуют правительственные чиновники, ученые и представители неправительственных организаций с обеих сторон. Официальные переговоры в основном сосредоточены на обсуждении конкретных случаев. Судебный семинар Китай – ЕС включает дискуссии по отдельным вопросам, касающимся соблюдения прав человека. В качестве дополнения к диалогу, как правило, представители сторон могут проводить расследования на месте в Китае и ЕС по конкретным вопросам [2].

По сравнению с жесткой конфронтацией 1990-х годов последующая политика мягкого взаимодействия лучше отражает реальность политики ЕС в отношении Китая. Определенные успехи были достигнуты в проектах, касающихся прав человека, которые были начаты Евросоюзом в Китае. Благодаря углублению связей и сотрудничества в рамках диалога по правам человека и проектов в области прав человека между двумя сторонами, отношения между Евросоюзом и Китаем несколько улучшились.

Изменения произошли после 2006 года и нашли свое непосредственное отражение в опубликованном Европейской комиссией 17 августа 2006 года Сообщении о политике ЕС в отношении Китая. По сравнению с предыдущими документами, касающимися отношений с Китаем, которые фиксировали уровень активного сотрудничества и контроля разногласий, этот документ был более жестким, в нем выражалось недовольство Китаем во многих областях двусторонних отношений и подчеркивалась важность прав человека и европейских ценностей в двусторонних отношениях [3].

Во-первых, некоторые разногласия в области прав человека, которые первоначально находились под контролем, были в одностороннем порядке усугублены Евросоюзом. В связи с повышением международного статуса Китая и расширением его внешнеэкономической и торговой деятельности, Евросоюз все чаще связывал экономическую и торговую деятельность КНР в азиатских и африканских странах (таких как Судан, Зимбабве и Мьянма) с так называемой «проблемой прав человека», и неоднократно критиковал Китай за его политику в отношении этих регионов. Во-вторых, часть поли-

тических сил как на уровне ЕС, так и на уровне государств-членов Евросоюза оказывала больше давления на Китай. В частности, Европейский парламент принял несколько резолюций, касающихся проблемы прав человека в Китае, чтобы постоянно критиковать его за политику в области гарантий прав человека. Кроме того, на уровне государств-членов канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Николя Саркози встречались с Далай-ламой в 2007 и 2008 годах соответственно, что привело к разрушительному воздействию на отношения между Китаем и ЕС [4].

Эти события неблагоприятно повлияли на дальнейшее развитие отношений между Китаем и ЕС в области прав человека и привели к усугублению разногласий в этой области. Создававшаяся ситуация была спровоцирована некими «глубинными причинами». Во-первых, с развитием Китая и углублением двусторонних отношений произошли изменения в соотношении сил между двумя сторонами, приведшие к новому витку разногласий. В частности, на глобальном уровне африканский вопрос стал новой точкой противоречий между двумя сторонами. Во-вторых, на отношения между Китаем и ЕС серьезно повлияли изменения в руководстве ведущих стран союза. Прокитайский канцлер Германии Герхард Шредер и президент Франции Жак Рене Ширак последовательно покинули свой пост, в то время как их преемники, очевидно, по-другому относились к проблеме обеспечения и гарантий прав человека. С одной стороны, Николя Саркози активно поддерживал тесное экономическое и торговое сотрудничество с Китаем, но сознательно акцентировал внимание на тибетском вопросе, чтобы привлечь поддержку со стороны общественности. Ангела Меркель действовала под предлогом «ценностно-ориентированной дипломатии». Хотя после долгового кризиса в Европе обе страны вынуждено изменили свою политику в отношении Китая, их позиции по правам человека принципиально не изменились, они смягчили свою критику Китая [5].

Общий фон отношений между Китаем и ЕС улучшился с 2009 года, однако спектр проблем, касающихся обеспечения и гарантий прав человека, благополучного разрешения так и не получил.

Исходя из Стратегии в отношении Китая на период с 2007 по 2010 года продвижение демократии и прав человека в КНР больше не являлось приоритетным направлением деятельности ЕС. Вместо этого, ЕС подчеркнул свою поддержку реформам в Китае, которые не были непосредственно связаны с проблемой обеспечения и гарантий прав человека. Тем не менее, Брюссель констатировал поддержку модернизации системы государственного управления и выразил надежду, что гражданское общество потенциально будет играть существенную роль в будущей политической, экономической, социальной и управленческой среде в Китае [6].

Во-вторых, в недавнем докладе по правам человека ЕС выразил намерение в будущем провести диалог в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Китаем и ЕС и подчеркнул, что эта «огромная воз-

мжность способствовать тому, чтобы Китай взял на себя большую ответственность в области прав человека».

В-третьих, ЕС официально заявил в докладах о правах человека за последние годы о возможности улучшения сотрудничества между Китаем и ЕС в данной области. Одной из первоначальных целей диалога по правам человека является предотвращение столкновения двух сторон в международных делах по вопросам гарантий прав человека и контроль над разногласиями между двумя сторонами. Тем не менее, некоторые представители ЕС придерживаются мнения, что диалог по правам человека может стать значимым только после улучшения положения в Китае.

Со своей стороны китайское правительство всегда решительно декларировало и поощряло улучшение в области прав человека. Кроме того, ЕС часто уделял особое внимание отдельным случаям нарушений, а не рассматривал ситуацию с правами человека в Китае в целом. Обеспокоенность по поводу этих отдельных случаев всегда выражалась только посредством официальных заявлений. Например, Верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности в 2009–2014 гг. Кэтрин Эштон неоднократно публично заявляла о некоторых отдельных случаях, в том числе в тибетском вопросе [7]. Такая практика, очевидно, имела целью оказывать давление на Китай, что неблагоприятно сказывалось на разрешении их разногласий.

После 2010 года число диалогов по правам человека между двумя сторонами уменьшилось, что указывает на возможное усугубление разногласий. Весьма очевидно, что в целом за первое десятилетие XXI века путь развития китайско-европейских отношений в области обеспечения и гарантий прав человека никак не согласовывался с формированием двусторонних отношений в других областях.

Следующим проблемным аспектом двусторонних отношений с правом можно считать вопрос об эмбарго ЕС на поставки оружия в Китай. Как известно, после подавления восстания на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 года Европейское сообщество выступило с заявлением осуждающим Китай и ввело определенные санкции, включая запрет на поставки оружия. Отмена эмбарго стала предметом обсуждения лишь с конца 2003 года, что весьма существенно повлияло модернизацию и перевооружение НОАК [8]. ЕС во главе с Францией и Германией согласился с тем, что новый кодекс поведения в отношении поставок европейского оружия в КНР должен быть подготовлен для замены режима эмбарго на поставки оружия.

Переговоры между лидерами ведущих государств-членов ЕС и Китаем в 2004 году, казалось, привели к предстоящей отмене экспорта оружия. Европейские лидеры пообещали, что эта двусторонняя проблема, вероятно, будет решена к июню 2005 года. Однако то, что произошло в начале 2005 года, отрицательно сказалось на претворении этого обещания в жизнь. Проблема была осложнена из-за вмешательства США, вследствие чего эмбарго

на поставки оружия стало серьезной проблемой для трех сторон. Вашингтон призвал ЕС сохранить эмбарго под угрозой прекратить передачу американских военных технологий в Европу.

После того, как в марте 2005 года Китай принял «Закон о предотвращении раскола страны», проблема снятия эмбарго стала более сложной, поскольку ЕС выступает против роста нестабильности между Пекином и Тайбэем и возможной гонки вооружений в Тайваньском проливе. В апреле 2005 года Европейский парламент проголосовал против резолюции за отмену эмбарго на поставки оружия. Как заявил Эльдар Субашич, пресс-секретарь Министерства иностранных дел Люксембурга, «учитывая позиции государств-членов ЕС, шансы отмены эмбарго к июню значительно сократились» [96].

С тех пор прошло тринадцать лет, а вопрос эмбарго все еще не решен. Тем не менее, по-видимому, между ЕС и Китаем существует негласное соглашение о том, что этот вопрос не может препятствовать развитию двусторонних отношений. Вместо того, чтобы обвинять друг друга в недостаточности уступок, обе стороны весьма прагматично исключили этот вопрос из ряда насущных проблем двустороннего сотрудничества.

С 2005 года для Европейского Союза все более значимой становится трудность иного рода. Помимо проблем в области прав человека и эмбарго на поставки оружия, с каждым годом возрастает торговый дефицит [1, p.15]. В результате первоначальный энтузиазм по поводу партнерства постепенно сменился разочарованием. И Брюссель, и Пекин стали смотреть на вещи более реалистично. Несмотря на оптимизм относительно будущего, обе стороны пришли к признанию существования ряда неразрешимых недоразумений, споров и разногласий. Спустя три года после установления стратегического партнерства с КНР в 2006 году Еврокомиссия попыталась обобщить развитие двусторонних отношений в своем шестом политическом документе в отношении Китая. Подтверждая растущее влияние КНР, она подчеркнула совместную ответственность Китая и ЕС за поддержание мира и стабильности. Кроме этого, она также осознала, что «Европе необходимо эффективно реагировать на укрепление Китая. Для решения ключевых задач, стоящих сегодня перед Европой, включая изменение климата, занятость, миграцию, безопасность, нам необходимо использовать потенциал динамичных отношений с Китаем, основываясь при этом на европейских ценностях» [65].

Проблемой в отношениях между ЕС и Китаем остается его международный экономический статус. Вступление Китая во Всемирную торговую организацию 11 декабря 2001 года считается важной вехой интеграции китайской экономики в мировой рынок. Когда КНР вступил в ВТО, ему не был присвоен статус страны с рыночной экономикой, поскольку в контексте законодательства ВТО статус рыночной экономики означает, что внутренние цены основаны на спросе и предложении, чего в Китае еще не было. Вот

почему в протоколе присоединения указывается, что сопоставимость цен при определении субсидий и демпингов не требуется устанавливать путем сопоставления цен с внутренним рынком, а с использованием различных методологий (например, цен рынков третьих стран). Однако в протоколе также указывается, что через 15 лет (т. е. 11 декабря 2016 года) страна приобретет статус страны с рыночной экономикой [9].

За эти годы Китай соблюдал практически все взятые на себя обязательства: экономические реформы, формирование модели народного хозяйства, которой присущи открытость, транспарентность, минимальный контроль торговых процессов со стороны государства, и как результат интеграция в мировую рыночную систему, однако ЕС и другие развитые страны до сих пор не признали статус «рыночной экономики» Китая. В интервью журналу *The Wall Street Journal* Еврокомиссар по торговле Сесилия Мальстрем подчеркнула, что в случае отказа Китаю предоставить статус страны с рыночной экономикой, Евросоюз нарушит свои обязательства в рамках ВТО. Это может воспрепятствовать подписанию инвестиционного соглашения между Брюсселем и Пекином, а также может привести к введению ответных санкций со стороны Китая против европейских корпораций, представленных на китайском рынке [9].

Такое нежелание Евросоюза признавать статус рыночной экономики Китая вполне понятно, поскольку это позволяет ему и в дальнейшем инициировать антидемпинговые разбирательства, которых насчитывалось более ста, причем большая часть закончилась не в пользу Китая. Это позволяет вводить антидемпинговые пошлины по отношению к китайской продукции (1,38 % от общего товарооборота Китай-ЕС) тем самым защищая интересы европейских производителей, а результатом признания этого статуса станет снижение антидемпинговых пошлин на 27 %, что приведет к значительному росту импорта китайской продукции в европейские страны [10].

Китай со своей стороны в ходе этих разбирательств не всегда основывался на существующем стратегическом партнерстве, упрекая ЕС в проведении политики протекционизма, дискриминации по отношению к китайскому бизнесу, что противоречит либерализации международной торговли, углублению взаимопонимания и доверия между сторонами, а также развитию торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Евросоюзом. При этом обе стороны понимают, что предоставление Китаю статуса страны с рыночной экономикой является важным шагом в двусторонних отношениях сторон, выступающих в качестве крупнейших торговых партнеров и политических игроков на международной арене.

КНР, все более утверждаясь в статусе глобального игрока, для расширения масштабного освоения европейского рынка инициировал программу «экономического пояса Шелкового пути» и вовлечения ведущих европейских стран в деятельность Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Действия, предпринятые Китаем, с одной стороны не смогут одно-

моментно разрешить весь спектр экономических противоречий с ЕС, а с другой – не оставляют шанса европейским экономикам оставаться вне сферы стратегического, геополитического и финансового влияния Пекина.

Список использованных источников

1. *Men, J.* EU-China Strategic Partnership: achievements and challenges. Policy Paper 12 / J. Men // EU Centre of Excellence, European Studies Centre and University of Pittsburgh [Electronic resource]. – November, 2007. – 20 p. – Mode of access: http://aei.pitt.edu/7527/1/2007-EU-China_Partnership.pdf. – Date of access: 20.01.2017.
2. *Zhou, H.* China-EU Relations: Reassessing the China-EU Comprehensive Strategic Partnership / H. Zhou. – Singapore: Social Sciences Academic Press and Springer Science & Business Media, 2016. – 255 p.
3. EU's China Policy Paper of 2006: EU – China: Closer Partners, Growing Responsibilities COM (2006) 631 final [Electronic resource] / Commission of the European Communities. – Brussels, October 24, 2006. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0631:FIN:EN:PDF>. – Date of access: 11.01.2017.
4. Understanding EU-China relations [Electronic resource] / Carnegie Europe. – Brussels, October 15, 2012. – Mode of access: <http://carnegieeurope.eu/publications/?fa=49688>. – Date of access: 23.03.2016.
5. *Men, J.* EU-China Relations: from Engagement to Marriage / J. Men // Department of EU international relations and diplomacy studies [Electronic resource]. – Brussels, November 18, 2008. – Mode of access: <https://www.coleurope.eu/research-paper/eu-china-relations-engagement-marriage>. – Date of access: 08.01.2017.
6. China Strategy Paper (2007–2013) [Electronic resource] / European External Action Service. – Brussels, 2007. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/csp/07_13_en.pdf. – Date of access: 05.01.2017.
7. Speech of High Representative Catherine Ashton at the EU Strategic Dialogue with China [Electronic resource] / European Council. – Gödöllő, April 17, 2011. – Mode of access: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/foraff/121968.pdf. – Date of access: 16.01.2017.
8. *Men, J.* EU-China Relations: problems and promises / J. Men // Jean Monnet & Robert Schuman Paper Series [Electronic resource]. – June 2008. – Vol. 8, № 13. – Mode of access: <http://aei.pitt.edu/9060/1/MenEUchinaLong08edi.pdf>. – Date of access: 03.02.2017.
9. China now standing as standard-bearer of globalization – 15 years in WTO [Electronic resource] / People's Daily Online. – Beijing, December 12, 2016. – Mode of access: <http://en.people.cn/n3/2016/1212/c90000-9153865.html>. – Date of access: 25.02.2017.
10. *Рогачев, А. И.* Китай и ЕС: проблема предоставления статуса рыночной экономики / А. И. Рогачев // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – 2016. – № 8. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1720>. – Дата доступа: 18.02.2017.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)